

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

«Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества». Межвузовский научный сборник, вып. 1. Л., 1974, 148 с.

В 1974 г. вышел в свет первый выпуск издаваемого Ленинградским университетом межвузовского научного сборника «Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества» (отв. редактор Г. Л. Курбатов). Выпуск охватывает широкий круг вопросов экономического, социального, политического и культурного развития феодальной эпохи. Однако центральное место в сборнике занимают статьи, посвященные истории Византии, и потому интересный для всякого историка средних веков сборник не может не привлечь особого внимания византинистов.

Сборник открывается большой статьей Э. В. Удальцовой и К. А. Осиповой «Типологические особенности феодализма в Византии». Неповторимое своеобразие исторического развития Византии продолжает волновать умы историков на протяжении трех столетий, и хотя, казалось бы, этот вопрос изучен почти с исчерпывающей полнотой, четкое определение сущности и причинной обусловленности своеобразнейшего феномена византийского феодализма до сих пор словно не дается в руки. Если вдуматься, это не удивительно: чем полнее и, главное, под новыми углами зрения, в новых плоскостях изучается история Византии, тем многоплановее, в сложной взаимозависимости различных своих сторон и проявлений она предстает перед нами. Авторы статьи тем не менее попытались сказать свое слово в этом «вечном» вопросе, обоснованней и четче определить типологическую специфику византийского феодализма. И, скажем сразу, попытка эта оказалась весьма плодотворной как в сделанных наблюдениях и выводах, так и в постановке некоторых вопросов.

Прежде всего (при всей ограниченности места) авторы постарались возможно более полно учесть и осмыслить опыт современного византиноведения — как советского, так и зарубежного. Отвергая рассмотрение византийской истории с точки зрения абстрактного противопоставления Востока и Запада или в качестве одной из «моделей» в ряду обособленных и эквивалентных мировых цивилизаций, они отводят как неубедительные и попытки континуитивистов отрицать историческую дезуру между поздней античностью и средневековой Византией, и продолжающих ту же методологическую линию сторонников «автохтонного развития», для которых социально-творческое воздействие варварско-общинных порядков представляется абсолютно несущественным и вся сложнейшая эволюция средневековой Византии легко и просто объясняется силой римского наследия.

В противовес этим статичным, в сущности внеисторическим концепциям авторы статьи стремятся взглянуть на средневековую Византию как на конкретное сочетание общего и особенного в развитии феодальной формации, как на своеобразный результат взаимодействия противоборствующих тенденций. Это позволяет им прежде всего глубже понять особенности развития аграрных отношений в Византии, которое во многом определялось борьбой между частновладельческими, мелкокрестьянско-общинными и государственными формами земельной собственности. Устойчивость института частной собственности, присущая византийскому землевладению на протяжении всей его истории, решительно отличает его от аграрных

порядков средневекового Востока. Государственная собственность на землю никогда не имела в Византии тех всеобъемлющих масштабов, что на Востоке, а императорская власть не обладала титулом собственности на все земли подданных.

Однако, хотя масштабы государственного землевладения в Византии на протяжении ее истории менялись, оно всегда оставалось значительным и всегда было существенной опорой императорской власти. Несомненно, ход развития приводил к возникновению на этих землях церковно-монастырского, а затем и светского частного землевладения — проний и гониконов, но процесс этот всячески тормозился императорской властью, и, видимо, прониары, прежде чем стать реальными обладателями вещных прав на землю, долгое время оставались лишь обладателями права сбора налогов с пожалованных земель. Более или менее значительную роль в экономической жизни страны феодально-прониарное землевладение начинает приобретать только в XII в. Но даже и тогда в Византии не получил достаточно полного развития феодальный иммунитет, а с ним и вотчинный аппарат внеэкономического принуждения — этот существеннейший атрибут развитого феодализма.

Основу аграрного строя феодализма образует прежде всего система эксплуатации непосредственного производителя, формы присвоения его прибавочного труда. И здесь Византия с самого начала обнаруживает разительные отличия от феодальных обществ Западной Европы: основная масса прибавочного труда византийских крестьян присваивалась в виде государственного налога, который постепенно превратился в своеобразную централизованную феодальную ренту. Естественно, что при этих условиях частновладельческая вотчина не могла получить сколько-нибудь значительных возможностей развития, и даже при наличии фискального иммунитета это развитие не могло стать интенсивным.

Не требуют ли в этой связи некоторых коррективов общепринятые представления об античном наследии в Византии? Прочность и сила влияния этого наследия не подлежат сомнению. Но не забудем, что речь идет о наследии не классической, а поздней античности, об институтах и порядках *поздней* Римской империи, когда неизменно разросшийся аппарат центральной власти и всепоглощающие императорские налоги стали всеобщим тягчайшим бременем. И хотя позднеримские колонны, несомненно, были предшественниками средневековых крепостных, первые в отличие от вторых страдали не столько от вотчинной анноны, сколько от непомерных государственных налогов, которые в первую очередь и побуждали их бежать из поместий, а императоров — принудительно возвращать их и закрепощать.

Разумеется, было бы неправильно механически переносить в жизнь позднейшей Византии все эти позднеримские порядки в их первоизданном виде: развитие рабовладельческой системы в восточных провинциях, как известно, не достигло тех крайних пределов, что на Западе, эти провинции были менее развиты, но потому и менее истощены, здесь сохранилось неизмеримо больше свободного крестьянства; по тем же причинам здесь были сохраннее и жизнеспособнее города; наряду с ощущаемой и здесь тенденцией к упадку действовала и противоположная тенденция: процесс отделения ремесла от земледелия в рамках старой общественной системы здесь, по всей видимости, себя еще не исчерпал. Не в этом ли следует искать одну из причин известной интенсификации городской, торгово-ремесленной жизни в ранней Византии, особенно в крупнейших центрах?

При всем том не подлежит сомнению, что Византия унаследовала порядки и учреждения *поздней* античности, когда старый экономический строй уже угасал и лишь пытался как-то приспособиться к одолевавшей его действительности, а новые силы, способные вывести из тупика, себя еще не проявили. Как известно, Восточная Римская империя тоже не избежала варварской колонизации, могучее воздействие свободно-общинных порядков немало способствовало постепенной трансформации византийского общества в сторону феодализма. Но в отличие от западной половины империи волна варварской колонизации не смыла в Византии императорской власти, этого главного оплота неизжитой старины.

Какое это имело значение, можно видеть, если сопоставить пути средневекового аграрного развития в Византии и, например, в Италии и Южной Галлии, где, как известно, римское наследие также отличалось немалой прочностью, где абсолютно преобладающей осталась унаследованная от позднеримских, колонатных

времен продуктовая форма присвоения прибавочного труда зависимого держателя, но где, несмотря на фактическое исчезновение из жизненной практики римских правовых норм (по крайней мере, до XI—XII вв.), частновладельческая феодальная вотчина стала безраздельно господствующей. В Византии же сохранение сильной центральной власти, развитой бюрократии и несокрушимой системы фискальной эксплуатации помешало не только складыванию феодальной иерархической лестницы, но, что еще важнее, не дало сложиться системе интенсивных, экономических активных частновладельческих вотчин¹.

Не здесь ли прежде всего следует искать причину и крайней замедленности вызревания в Византии интенсивно-феодальных форм производства и эксплуатации, и сравнительной успешности общинно-охранительной политики исаврийских императоров — наряду с полной безуспешностью сходных попыток Каролингов, — и заторженности процесса складывания в Византии единого класса феодально-зависимого крестьянства, и постоянного сохранения особого слоя государственных париков — всего того, что в статье справедливо определяется как проявление *незавершенности* процесса феодализации в Византии (с. 22)? Так проблема исторического типа развития (именно типа, реально порожденного стихией исторического процесса, а не «модели», конструируемой историком) превращается вместе с тем в проблему *этапа* развития. Но это не снимает его типологического значения. Марксистской типологии чужда статичность структуралистского моделирования: исторический тип — это тип *развития*, т. е. конкретное проявление диалектической противоречивости исторического движения — его непрерывности и его дискретности. Определенные силы исторического консерватизма закрепляют данный этап, придают ему устойчивость и длительность, он становится типом развития.

В отмеченной незавершенности, неинтенсивности византийского феодализма следует, видимо, искать объяснение и специфики исторических судеб византийского города. Его сравнительная устойчивость (при несомненности исторической цезуры) была обусловлена не только известной запоздалостью кризиса рабовладения в восточной половине империи, но в немалой мере также исключительной ролью центральной власти: блестящий расцвет Константинополя и двух-трех тесно связанных с ним крупнейших портовых центров (особенно в ранний период) происходил за счет захирения и исчезновения многих мелких и средних городов внутренних районов страны (с. 25—26)². Эта односторонность не исчезла и в период подъема, в IX—XII вв. Да и самый этот подъем оказался недолговечным и в отличие от Западной Европы не вызвал коренной перестройки социально-экономической жизни византийского феодального общества (с. 27).

Как показано в статье, это было связано с преобладанием консервативных сил и тенденций, оплотом которых была императорская власть. То, что первоначально было стимулом подъема, затем превратилось в неодолимый тормоз. Привязанный целиком к потребительским, административным, военным и фискальным интересам короны, двора, знати и бюрократии, византийский город так и не смог стать тем, чем стал его западноевропейский собрат, — цитаделью свободы и вольного труда³, очагом *качественно новой экономики*, не породил ни свободных и активных ремесленных цехов, ни могучего освободительного коммунального движения, ни сплоченного и влиятельного сословия горожан, способного противостоять феодалам (с. 27—28). Не удивительно поэтому, что он не смог подготовить почву для зарождения раннекапиталистических отношений.

Разумеется, интенсивно развивающийся город мог возникнуть только на почве интенсивного типа развития феодализма. Несомненно также, что исключительность роли центральной власти в Византии сама была глубоко обусловлена своеобразием социально-экономической структуры восточных провинций, наличием

¹ Между тем в Византии, как это справедливо отмечается в статье, римские правовые нормы, охранявшие частную собственность, и, в частности, в сфере земле-
владения, никогда не утрачивали своей юридической силы.

² См.: *Каждан А. П.* Деревня и город в Византии IX—X вв. М., 1960; *Курбатов Г. Л.* Ранневизантийский город (Антиохия в IV в.). Л., 1962; *его же.* Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV—VII вв. Л., 1971.

³ См.: *Сказкин С. Д.* Избранные труды по истории. М., 1973, с. 471.

здесь определенных социальных сил, заинтересованных в сохранении и поддержке этой власти. Но именно поэтому гипертрофированная императорская власть явилась средоточием и оплотом всех тормозящих сил, самым существенным и активным воплощением присущих византийскому феодализму незавершенности и консервативного своеобразия. Сопоставление византийского варианта феодализма с западноевропейским показывает, сколь решающее значение при переходе от античности к средневековью имело разрушение рабовладельческой государственности. Только при этом условии высвобождались могучие силы созидания новых общественных отношений и могла в полную меру проявиться социально-творческая роль варварской свободной общины, создавшей обширную питательную среду для рождения нового общества.

Рецензируемая статья Э. В. Удадьцовой и К. А. Осиповой представляет собой важный шаг в осмыслении византийского типа феодального развития и вместе с тем побуждает к новым поискам. Позволим себе отметить только два вывода, к которым убедительно подводит материал и наблюдения авторов: во-первых, важность учета в ходе типологических разысканий роли политической надстройки: при всей социально-экономической обусловленности она обладала определенной самостоятельностью, высокой активностью и при известных условиях могла стать одним из решающих факторов, определяющих данный тип развития; во-вторых, рассмотрение *особенных* типов развития снова и снова приводит к выводу о решающей важности *общих* закономерностей данного процесса и о значении понятия *классического* типа развития — понятия, которым широко пользовались Маркс и Энгельс и которое означает не наибольшую распространенность или заурядность, а вариант наиболее полного и последовательного раскрытия возможностей данного общественного процесса. Это объективный критерий и основа типологических построений.

К рассмотренной статье близко примыкает работа Г. Л. Курбатова «К проблеме типологии городских движений в Византии». И здесь типологическая задача решается строго исторически: тот тип городских движений, который так ярко проявил себя в Восточной Римской империи V—начала VI в. и который более всего интересует автора, он стремится осмыслить как определенный *этап* в развитии социальных движений, связанный с эволюцией всего общественного строя Византии и прежде всего самого города как особого социального организма (с. 47).

В III и на протяжении большей части IV в. как городские движения, так и участие масс народа в обороне городов от варваров возглавлялись куриалами, что отражало и тесную связь с курией привилегированной верхушки городского плебейства, и еще известную жизнеспособность античной полисной организации, и значительную еще сохранность муниципального землевладения. В последней трети IV в. положение меняется: влияние курий заметно падает, широкие массы горожан уже не хотят защищать от натиска варваров сделавшийся нестерпимо тяжелым императорско-муниципальный строй, так что государство уже не доверяет горожанам оружия и, что всего существеннее, возрастает активность широких слоев городского населения, обнаруживается тенденция к образованию народных политических группировок (с. 54—55).

Именно в этих новых явлениях, а не в пережитках античных форм политической жизни города, полагает автор, следует искать объяснения той новой формы городских движений — борьбы димов и факций, которая так ярко окрашивает историю крупнейших городов Византии в последующие полтора столетия. Наивысшая активность масс в этой борьбе приходится на конец V—начало VI в., а затем, после восстания Ника, эта активность падает (к чему императорская власть прилагает немало усилий), а вместе с нею приходит в упадок и реальное значение партий, и сходит со сцены связанная с ними яркая форма социальной борьбы, которую Г. Л. Курбатов определяет как второй типологический этап в развитии городских движений в Византии (с. 59). В VII—VIII вв. городские движения сливаются с сельскими, специфически городская окраска сменяется религиозной. Налицо совершенно иной тип народных движений.

Объяснение этой эволюции, и прежде всего причин подъема и изживания того исторического типа городских движений, который его более всего интересует, автор

ищет в судьбах позднеантичного полиса, в упадке и расхищении муниципальной собственности, приводившим к распаду старых общеполитических связей (с. 55—56). Это истолкование представляется весьма обоснованным, но достаточно ли такого, преимущественно негативного объяснения? Могло ли столь выразительное общественное движение, отмеченное активнейшим участием масс, родиться только из разложения античной городской общины, только *из упадка* старой полисной организации (с. 56)?

В статье приводятся (частью они содержатся и в более ранних исследованиях автора) немаловажные данные о существенной активизации в этот период торгово-ремесленной жизни крупнейших городов Византии, о возрастании роли городских корпораций (в том числе даже низших профессий), а также ремесленных, купеческих, ростовщических слоев горожан (с. 57). Не заставляет ли это предположить, что небывалый подъем борьбы городских партий был связан с определенным оживлением экономической жизни ведущих восточноримских городов в V—первой половине VI в., когда возможности отделения ремесла от земледелия в условиях старого общества еще не были исчерпаны, а силы дезурбанизации еще не возобладали? Очевидно, этим экономическим подъемом были обусловлены и рост самостоятельности широких слоев городского населения (с. 54), и дальнейший упадок городского (полисного и куриального) землевладения и его политической роли. Не случайно свертывание деятельности городских партий в VI—VII вв. совпадает с сокращением численности и самостоятельности торгово-ремесленного населения, упадок городских корпораций, в особенности «массовых» профессий (с. 59—60). Думается, что учет отмеченных экономических явлений может лишь упрочить предложенное определение данного типа и этапа городских движений в Византии и представление о его исторической закономерности.

Византийской проблематике посвящена и статья Г. Е. Лебедевой «Эволюция терминов, обозначающих рабов, в ранневизантийском законодательстве». Справедливо полагая, что для решения проблемы рабства в позднеримском-ранневизантийском обществе весьма важно изучить эволюцию юридической терминологии, обозначающей рабов, автор сосредоточивает свое внимание на соответствующей терминологии кодексов Феодосия и Юстиниана. Подсчеты и наблюдения исследовательницы позволяют ей прийти к выводу о значительности роли рабства (в том числе производственного) в IV—VI вв. Об этом же, по ее мнению, говорит и наблюдаемая в источниках тенденция к унификации «рабской» терминологии.

Учитывая значимость этих наблюдений, не следует, думается нам, преувеличивать их значение. Закрепление данной юридической терминологии отнюдь не всегда означает стабилизацию данного экономического и социального явления, а порою, как свидетельствует история, может скрывать за собой уже принципиально иные производственные отношения. Ведь и сама исследовательница признает, что, говоря о значительности роли рабского труда в императорских и частных поместьях в V—VI вв., она имеет в виду преимущественно рабов с пекулием, т. е. рабов, наделенных землей (с. 106).

К статьям византинистов примыкают работы славяноведческие. В статье «Корпорации ремесленников в средневековом далматинском городе» М. М. Фрейденберг в плане рассмотрения вопроса о цеховом и так называемом «свободном» ремесле в средневековом городе анализирует немногочисленные источники о ремесленных корпорациях городов Задара, Шибеника, Сплита, Трогира и затем более подробно останавливается на корпорациях мореходов Задара, Сплита и Котора по уставам XIV—XV вв. Поставив вопрос о соотношении цеховых и «свободных» ремесел, автор приходит к выводу, что, хотя далматинское городское производство и «не является типичным „свободным ремеслом“, но в близости к этому ремеслу ему нельзя отказать... Очевидно, перед нами особая разновидность ремесленной организации» (с. 43). Вместе с тем, заключает Фрейденберг, в XIII—XIV вв. «в наиболее развитых, традиционных и важных для города занятиях — мореходстве, кожевенном деле — из общей массы рыхлых братовщин выделяются те, которые можно сблизить с западноевропейскими цехами» (с. 44).

В статье В. А. Якубского «К вопросу о причинах развития фольварочной системы в Польше» поставлена интересная и до сих пор нерешенная проблема.

Она давно уже привлекает внимание автора, о чем свидетельствует и целый ряд опубликованных им работ по аграрной истории Польши, и его монография «Проблемы аграрной истории позднесредневековой Польши» (Л., 1975), и автореферат его докторской диссертации «Проблемы аграрной истории Польши XVI—XVII вв.» (Л., 1975). Отметив положительные результаты, достигнутые советскими полонистами в изучении барщинно-крепостнической системы хозяйства, В. А. Якубский вместе с тем отвергает попытки дать однозначный ответ на вопрос о причинах развития фольварочной системы: «Дело не может быть сведено к какой-то одной причине — действовал комплекс разнородных факторов» (с. 81). Отвергнув широко распространенный в советской и польской литературе тезис о решающей роли в этом процессе внешнего рынка, автор считает перспективной гипотезу о том, что барщина на первых порах могла быть менее болезненной для крестьянства и встречала с его стороны меньше сопротивления, чем попытка увеличить оброк. На наш взгляд, эта гипотеза не лишена убедительности, и она, несомненно, будет способствовать дальнейшим плодотворным поискам ответа на этот чрезвычайно сложный вопрос.

В статье «Проблемы Возрождения» В. И. Рутенбург продолжает начатую им ранее⁴ полемику против новейших попыток расширительного истолкования культуры Возрождения как некоего всеобъемлющего, «глобального» явления, свойственного будто бы самым различным странам (особенно восточным) в самые различные эпохи — от II в. до н. э. до XVIII в. Автор убедительно выявляет методологическую несостоятельность таких концепций «кочующей культуры всеобщего Ренессанса». Они лишены строго научного критерия в отношении как идейного содержания каждой данной культуры, так и ее социально-экономических предпосылок. Ссылки на появление «зародышей товарно-денежных отношений» не выдерживают критики, ибо, как показала история феодализма и на Западе, и на Востоке, даже развитой средневековый город с его мелкотоварным ремеслом не в состоянии породить принципиально антифеодальной идеологической системы, какой явился ренессанский гуманизм: экономические, социальные, идейные потребности этого города были оппозиционны феодализму, но не антагонистичны ему. Только зарождение капиталистического уклада и начало превращения средневекового бюргерства в класс буржуазии создало реальную почву для возникновения культуры Возрождения в Италии XIV—XV вв. Игнорирование этой важнейшей *качественной* грани, как и вообще пренебрежение проблемой соотношения количества и качества в истории, породило бесчисленные построения о всевозможных мнимых «Ренессансах» до Ренессанса. Культура Возрождения была конкретным историческим явлением, и она требует к себе строго исторического подхода. Сравнительно-исторический метод может быть плодотворным только тогда, когда сами сравниваемые объекты, их социально-экономические предпосылки, объективное содержание и реальное историческое значение осмыслены глубоко и всесторонне.

К только что рассмотренной тесно примыкает статья А. Н. Немилова «О хронологических рамках и специфике эпохи Возрождения в Германии». Выявить специфику немецкого Возрождения автор стремится как особенное проявление общих оснований и проявлений Ренессанса как культуры, рождающейся на почве раннекапиталистических отношений. Обращаясь более всего к истории искусства, автор делает попытку обосновать научную периодизацию немецкого Проторенессанса и раннего Возрождения. Возражая против распространенного истолкования немецкого Возрождения как «христианского», он утверждает, что, напротив, первые выступления немецких гуманистов имели не религиозную, а светскую направленность — антиклерикальная оболочка была здесь не первичным, а вторичным явлением.

Помимо указанных работ в рецензируемом сборнике публикуются статьи, посвященные различным вопросам средневековой истории Англии и Франции.

В целом первый выпуск ленинградского межвузовского сборника по медиавистике оставляет самое благоприятное впечатление. Сборник, поставивший на своем титуле привлекательное и очень ответственное название, не обманул чита-

⁴ Рутенбург В. И. Итальянское Возрождение и «Возрождение мировое». — ВИ, 1969, № 11.

теля: в основных его статьях действительно подняты, интересно поставлены большие, научно актуальные вопросы современной медиевистики. Статьи по конкретно-историческим вопросам в значительной мере примыкают к этому ряду. В других случаях они, как правило, содержат возможность постановки значительных исторических проблем, и было бы желательно, чтобы эта возможность была полнее реализована.

А. И. Озолин

Античная древность и средние века, сб. 10. Свердловск, 1973, 322 с.

В 1973 г. вышел в свет очередной, десятый, выпуск сборника «Античная древность и средние века», посвященный 80-летию одного из виднейших представителей советского византиноведения профессора Уральского университета Михаила Яковлевича Сюзюмова¹. Как известно, сборник под таким названием (первый был напечатан в 1960 г.) представляет собой «в значительной мере результат трудов и энтузиазма М. Я. Сюзюмова, сумевшего вырастить и сплотить вокруг себя группу византинистов, и его ближайших сотрудников». За короткий срок «сборники превратились в общий орган византинистов, античников и медиевистов Свердловска и соседних областей»².

В десятом выпуске АДСВ приняли участие 55 авторов из восьми стран. Всего в этом выпуске 56 статей. Открывается сборник статьей ученика М. Я. Сюзюмова Р. Г. Пихоя (Свердловск), содержащей биографические данные о юбиляре и обзор его научной и педагогической деятельности; списка трудов М. Я. Сюзюмова здесь нет, поскольку такой список (114 названий) был напечатан ранее³.

Тематика помещенных в сборнике статей разнообразна, но преобладают работы, связанные с проблемами, интересующими юбиляра. Таковы касающиеся истории византийского и итальянского города статьи Н. А. Бортника (Свердловск), И. Караяннопулоса (Фессалоника), Г. Г. Литаврина (Москва), М. М. Шитикова (Свердловск). Муниципальная организация города в византийском Египте VI в. рассматривается И. Ф. Фихманом со свойственной этому ученому тщательностью и глубоким анализом документального папирологического материала.

Различные вопросы политической и социально-экономической истории империи исследуются в статьях Д. Ангелова (София), Р. М. Бартияна (Ереван), Н. Г. Гарсоян (Нью-Йорк), И. Дуйчева (София), Е. Э. Лишниц (Ленинград), К.-П. Мачке (Лейпциг), Г. Цанковой-Петковой (София) и некоторых других авторов.

Наибольшее число статей посвящено источниковедению и литературе Византии. Сюда относятся работы П. Аликсандера (Беркли, США), Р. А. Гусейнова (Баку), С. Г. Каухчишвили (Тбилиси), С. Н. Лишева (София), Ж. Норе (Брюссель), С. В. Поляковой (Ленинград), И. С. Чичурова (Москва). К источниковедческим работам следует отнести также статью одного из первых учеников Сюзюмова, В. В. Кучмы (Волгоград), изучающего военные трактаты византийцев.

¹ О работе М. Я. Сюзюмова по организации центра византиноведения и исторических исследований в Уральском университете см.: *Кривошеева В. М.* Работы по истории Византии в научном студенческом обществе при Свердловском педагогическом институте. — ВВ, VIII, 1956, с. 391; *Поляковская М. А.* Студенческие работы по истории Византии в Уральском гос. университете в 1962/63 учебном году. — ВВ, XXV, 1964, с. 283—284; *ея же.* Некоторые проблемы античности и средневековья в работах аспирантов Уральского университета. — В кн.: *Историческая наука на Урале за 50 лет. 1917—1967*, вып. 2. Всеобщая история. Свердловск, 1968, с. 59—67; *Бармина Н. И.* Византиноведческие исследования в Уральском университете за 10 лет (1961—1971). — ВВ, 34, 1973, с. 303—306; *Мауродин В. В., Курбагов Г. Л., Петрова В. А.* Межвузовские сборники университетов РСФСР. — ВИ, 1975, № 4, с. 139—141.

² См.: *Курбагов Г. Л., Рутенбург В. И.* Ред. на кн.: *Античная древность и средние века.* Сборники статей по истории древнего мира и средних веков кафедры всеобщей истории Уральского гос. университета им. А. М. Горького, вып. 1—5, под ред. М. Я. Сюзюмова. Свердловск, 1960—1966. — ВВ, 30, 1969, с. 243—247.

³ ВВ, 35, 1973, с. 303—306.